

Филип Гласс —

Газете

“Я не пишу нормальной музыки”

Прославленный американский композитор, основатель минимализма Филип Гласс впервые приехал в Москву с концертами. Сегодня и завтра он выступит в Доме музыки на Красных Холмах, исполнив со своим оркестром сюиту к фильму Годфри Реджио «Коянискаци», который будет демонстрироваться во время концерта. Накануне с **Филипом Глассом** побеседовал **Антон Долин**.

Почему для первых выступлений в Москве и Санкт-Петербурге вы выбрали именно «Коянискаци»? Знаете, в моем репертуаре это классический номер. Я его уже лет двадцать играю, выбираю его для юбилейных концертов. Сегодня, кажется, «Коянискаци» не устарел, а стал еще более актуальным. В этом фильме нет слов: только текст и музыка, а его тема — вторжение технологий в нашу жизнь. С течением времени эта проблема все больше затрагивает нас всех. Когда Годфри Реджио снимал свою картину, он смотрел в будущее. Тогда, в начале восьмидесятых, люди с трудом понимали, о чем мы говорим. А теперь понимают все.

Почему не сыграть и не показать все фильмы трилогии, куда также входят фильмы «Повакаци» и «Накокаци»?

Я бы с радостью исполнил все три, так они и задумывались. Но этот — первый, с него все начиналось. Его я исполнял чаще всего. Хотя лично мне ближе вторая картина, которую мы сделали вместе с Годфри. «Коянискаци» был очень американским фильмом, а «Повакаци», снятый во всем мире, от Египта до Латинской Америки, получился более интернациональным.

Что, по-вашему, «Коянискаци» может сказать российскому зрителю и слушателю?

Культуры и технологии — вот, что нас интересует больше всего в этих фильмах. Сначала нам казалось, что мы говорим только о США, потом вдруг возникли азиатские мотивы, со временем темы становились все более глобальными. Хотя начиналось все в Америке... Визуально фильм кажется очень американским, но на самом деле он абсолютно универсален.

Можно ли считать, что это фильм о конце света?

Многие так думают, хотя это не совпадает с точкой зрения режиссера. Его больше волнует власть технологий над естественной жизнью, чем апокалиптические проблемы. Он рассматривает изменения в нашей жизни, и дело не в том, нравятся ли они ему. Лично я не знаю, как справиться с современным миром, у меня нет своего решения, но мне кажется, что важно попытаться передать то, как этот мир выглядит. Это не столько конец света, сколько начало нового света.

Фильмы, которые вы делаете вместе с Годфри Реджио, говорят еще и о наших страхах перед лицом нынешней реальности...

Интересная точка зрения, придется с вами согласиться. Мы говорим о живании в новой среде. У вас есть дети? У меня есть. Одному из них только что исполнилось три недели, а другому — чуть больше полутора лет. Меня нередко спрашивают: «Как ты не боишься за детей, которым предстоит жить в таком мире?!» А мой ответ на это: «Сейчас — лучшее время рожать детей». Мы открываем для себя новую реальность, и нашим детям, возможно, удастся стать ее частью.

А чего боитесь лично вы?

У меня полным-полно страхов. Например, боюсь пустоты, небытия. Или технологий, о которых говорится в фильме, — нам хочется верить, что мы их обуздали, что мы ими управляем, но это иллюзия. Подумайте, кто мог предположить десять лет назад, как мир изменится под влиянием Интернета? Он был изобретен как параллельная система телефонной связи, а сегодня и описать нельзя, как мы его используем! Никто не ожидал Интернета, никто его даже не предсказывал — он просто пришел, и все. У технологий своя судьба, и не люди ее пишут. Иногда так страшно смотреть на эти изменения! Мне кажется, что не так важно, будем ли мы использовать их во благо или во зло, они все равно будут идти своим путем. Позитивно наши дети иногда

получаются такими страшными. Мы даже думали, как смягчить это впечатление, но что поделаешь, если они отражают реальность!

Годфри, кажется, способен предвидеть будущее. Никто не понимал четверть века назад, о чем «Коянискаци», его считали психоделическим фильмом и только лет через десять начали догадываться, что за картинками и музыкой скрыто какое-то содержание. На понимание наших с Годфри фильмов уходит немало времени. Наверное, это одна из причин, почему в Москве я исполню именно «Коянискаци»: по меньшей мере этот фильм мы уже научились понимать адекватно.

Что заставило вас вернуться к традициям немого кино, когда беззвучный фильм сопровождался живым исполнением музыки?

В тридцатых годах прошлого века человечество решило механически синхронизировать звук с изображением. Тогда был забыт уникальный опыт живой кинематографии. Исполняя музыку в реальном времени, мы придаем фильму особую силу, добавляем в него каждый раз что-то новое. Потому мы и ходим на концерты: никакая запись не заменит этого впечатления. Зритель получает такое представление о творческом процессе, которого не даст ему ни один из зафиксированных вариантов того же произведения. И эмоциональное впечатление не сравнить. Я играю живую музыку к кино вот уже двадцать лет, у меня есть шесть таких программ, включая «Красавицу и чудовище» Жана Кокто и «Дракулу» с Белой Лугоши. Лучшее доказательство необходимости такого пути — реакция аудитории. Поэтому все чаще в последние годы композиторы пишут и исполняют музыку как к старинным, так и к новым картинам. Лично я предпочитаю работать с новыми фильмами.

Как ваши эксперименты соотносятся с более нормальными работами — такими как музыка к «Шоу Трумана» Питера Уира или «Часам» Стивена Долдри?

Я не пишу нормальной музыки! Такие фильмы я для себя называю «индустриальными». Над ними я работаю с удовольствием — могу выделить музыку к «Часам» и «Мисиме». В этом случае кинематограф понимается как развлекательная материя, но мне это не мешает. Есть ведь и великая традиция российских композиторов, писавших музыку для кино: Шнитке, к примеру, или Шостакович. Кинокомпозитор — почетная профессия, но не всегда она может способствовать творческому самовыражению. К счастью, мне есть чем заняться и помимо того. Например, симфониями, операми и балетами. А постоянно работать в Голливуде я бы не хотел.

Вы бы не хотели как-нибудь снять свой фильм?

Самый близкий к этому опыт, бывший в моей жизни, это совместная работа с Годфри Реджио. Мы начинаем сотрудничество с первых дней работы над картиной — в отличие от привычной методики, когда композитор смотрит отснятый материал и добавляет к нему саундтрек. Недавно я закончил музыку к документальному фильму о Роберте Макнамаре, где моя роль тоже не сводилась к простому декорированию. Увы, технически я недостаточно подготовлен, чтобы самостоятельно сделать фильм.

Что вы думаете о современной судьбе музыки минимализма и ее роли в кино? Не становится ли кинематограф единственным местом, где это экспериментальное направление встречается с большой аудиторией?

Я с вами полностью согласен! С другой стороны, музыка минимализма хорошо сочетается с любыми картинками и образами, не только в кино. Кроме того, поймите, настоящий минимализм умер четверть века назад, и мне давно есть о чем подумать в кинематографе.

Филип Гласс: «Сейчас — лучшее время рожать детей. Мы открываем для себя новую реальность, и нашим детям, возможно, удастся стать ее частью»